

Глава 88. Пьяный дебош

То ли слова его оказались слишком смелыми, то ли даже небо решило, что слушать такое невозможно. Хмурые тучи, висевшие над городом весь день, вдруг тяжело пошли вниз, и в воздухе всё явственнее запахло дождём.

Точно так же, как в затуманенных глазах юноши разливалась густая влага, вот-вот готовая сорваться каплями.

— Пей... пей же! — Цзян Тан был непривычно возбуждён. Он хихикал, обнимал кувшин, нашарил на столе ещё одну чашу и, покачиваясь, принялся наливать. Половину налил, половину пролил, так что одежда его вся пропахла сладким фруктовым вином.

Оставшиеся полчаши он толкнул к Фу Линцзюню. Вид у него был совсем как у распутного молодого господина, силой затаскивающего порядочного человека в сомнительное заведение. Но взгляд оставался слишком чистым, а движения слишком неловкими, так что вместо пошлости получалась одна сплошная глуповатая прелесть.

Янтарная жидкость качнулась и медленно доехала до Фу Линцзюня. Тот опустил на чашу взгляд и очень мягко произнёс:

— Ты пьян.

Для пьяного человека это были самые невыносимые слова на свете.

Цзян Тан тут же вскинулся, словно ему наступили на хвост. Затуманенные глаза распахнулись шире, и он изо всех сил постарался изобразить, будто трезв как стекло:

— Я... не... пьян!

И, будто желая это доказать, пересел со своего места поближе к Фу Линцзюню и обеими руками вцепился ему в ворот:

— Я... совершенно... трезвый!

Мало того что трезвый, да ещё и способен приставать.

Правой рукой он неловко потянулся поддеть Фу Линцзюня за подбородок:

— Улыбнись... давай!

И мало ему было просто зацепить подбородок, он ещё и почесал его двумя пальцами, словно гладил собаку.

— Красавчик... я тебя... про дорогу... спрошу, — запинаясь, выговорил он.

Не дождавшись никакой реакции, сам же и продолжил, очень заботливо подталкивая развитие сюжета:

— Ты... должен спросить... меня... какую дорогу... я ищу.

Но Фу Линцзюнь всё так же молчал.

Цзян Тан оказался на удивление упорным и в одиночку довёл весь нелепый флирт до конца:

— Дорогу... к тебе... в сердце.

Фу Линцзюнь чуть поднял длинные ресницы, и его чёрные, как тушь, глаза пристально остановились на лице Цзян Тана.

Он ничего не сказал и даже не пошевелился. Но маленький отважный пьяница всё равно внезапно почувствовал какую-то скрытую тяжесть. Даже в самом спокойном настроении от Фу Линцзюня исходила острая, режущая грань, и Цзян Тан инстинктивно его немного побаивался.

— Ты... чего?! — первым пошёл в атаку Цзян Трусиска. — Ты... на меня... злишься...

И тут же сам по-настоящему обиделся. Губы у него задрожали, и он отвернулся, всем своим видом изображая глубочайшее страдание.

Кап. Кап.

Тучи, копившиеся весь день, наконец разразились дождём. Сначала крупные тяжёлые капли падали редко, а в просветах на горизонте ещё теплился остаток закатного света. Но очень скоро дождь усилился. Уличные торговцы в спешке начали собирать прилавки, один за другим раскрывались промасленные бумажные зонты, и бурно жившая область Цянькунь вмиг сбилась с ритма. После короткой суматохи кругом воцарилась тишина.

Фу Линцзюнь впервые в жизни заботился о пьяном человеке.

Он хотел просто увести Цзян Тана, но стоило ему коснуться рукава, как две мягкие тёплые ладони тут же вцепились в его руку.

— У-у... не уходи... — Пьяные люди плачут так же внезапно, как смеются. Эмоции нахлынули, и сам он уже не понимал, почему ему так горько. — Ты... и папа... мне оба... нравиться... у-у...

А потом он и вовсе разрыдался так жалобно, будто снова вернулся в тот вечер перед поступлением, когда подслушал, как родители, спрятавшись от него, обсуждали развод.

Он и сам не понимал, почему вдруг плачет именно об этом. После поступления в университет, после выпуска, после начала работы он ни разу не вспоминал тот вечер. Но сегодня ему было так тяжело. Эта протянутая к нему рука была такой тёплой, такой надёжной, словно никогда не отпустит. И от этого тепла ему вдруг до боли захотелось расплакаться, сбросить всю оборону и выплакаться до конца.

Фу Линцзюнь внезапно вспомнил один короткий увиденный когда-то эпизод.

Совсем короткий. Тогда подросток не плакал. Просто, подслушав разговор родителей о разводе, вернулся в свою комнату и долго сидел, обняв колени.

Под жёлтым светом настольной лампы его лицо казалось тёплым, а на стену ложилась одинокая тень.

Фу Линцзюнь протянул руку и погладил Цзян Тана по голове:

— Не уйду.

Но Цзян Тан всё равно продолжал жалко всхлипывать, так что даже сидевшие в трактире за редкими столами заклинатели невольно обернулись. Увидев, что там всего лишь двое мужчин, они так же дружно отвернулись обратно.

— Эх, ну и времена. Все кругом бессердечные, — кто-то покачал головой и не удержался от вздоха.

У пьяных людей чувства приходят стремительно и так же стремительно уходят.

Вот и Цзян Тан, вдоволь нарыдавшись, сидел уже с красными, влажными глазами, всё так же цепляясь за руку Фу Линцзюня, и, шмыгая носом, жалобно спросил:

— Будешь... моим... парнем... а?

Спросил так жалобно, а сам при этом ни капли не стеснялся. Под видом пьяного безобразия откровенно домогался: обвил руками шею Фу Линцзюня и потянулся поцеловать его в щёку.

От него веяло жаром, вином и чем-то мягким, словно тёплый маршмеллоу.

Людей в трактире было слишком много, поэтому Фу Линцзюнь одной рукой просто удержал этого безобразника на расстоянии, а другой поднял его на ноги.

Поцеловать не удалось, ответа он тоже не получил, и только улёгшаяся было обида снова подняла голову:

— У-у-у, ты... меня... не хочешь...

Обнимая его за плечи, Фу Линцзюнь пошёл расплачиваться и мягко ответил:

— Хочу.

— У-у-у, нет, не хочешь... — всхлипывая, Цзян Тан размазывал сопли и слёзы по одежде Фу Линцзюня, доводя её до жалкого состояния.

Фу Линцзюнь: «...»

Но руки так и не убрал.

подавальщик давно уже обратил внимание на эту парочку, которая явно поссорилась, но благоразумно сделал вид, будто ничего не замечает, и только молча ждал их у стойки.

Услышав, что пора платить, Цзян Тан вдруг на один миг протрезвел. Ноги его всё равно подкашивались, но зато голос стал неожиданно гордым:

— Ты мне... не парень... так чего... платить... за меня... собрался? У меня... есть деньги! Много денег!

С этими словами он полез за своей жемчужиной Нахай. Но забыл, что для неё нужна хотя бы капля духовной силы. Он долго шарил у пояса и так ничего не достал.

подавальщик смущённо кашлянул и посмотрел на Фу Линцзюня:

— Даос... ваш даосский спутник... заказал три кувшина фруктового вина и цзинь говядины. Всего двести духовных камней.

Чуткий как собака Цзян Тан тут же вцепился в одно только слово и, качнувшись, взглянул на Фу Линцзюня.

Тот никак не отреагировал на это обращение, просто расплатился и подхватил прижавшийся к нему тёплый комок. Пропитанный хмелем Цзян Тан весь размяк, словно кости у него исчезли. Если бы Фу Линцзюнь всё это время не держал его за талию, он бы давно рухнул на пол.

— Даосский спутник... — Цзян Тан сразу перестал буянить. Тихий, мягкий, послушный, он позволил Фу Линцзюню обнимать себя и только глупо улыбался. — Мы... даосские спутники...

А потом ещё и икнул, и вместе с икотой из него вновь вырвался сладкий запах вина.

За дверями трактира дождь стеной застилал всё вокруг.

Лило уже давно. Торговцы и гулявшие по длинной улице совершенствующиеся давно попрятались по укрытиям. Небо нависло низко и тяжело. Только стеклянные фонари-карусели вдали всё ещё рассеивали сквозь белую пелену дождя мутный свет, и вся область Цянькунь казалась притихшей до предела.

Фу Линцзюнь хотел взять его на руки и отнести обратно, но Цзян Тан заупрямился: нет, только на спине, иначе он и шага не сделает.

Добившись своего и взобравшись Фу Линцзюню на спину, он, однако, не стал вести себя лучше. Ноги не касались земли, и от этого казалось, будто мир под ним качается. Он то душил Фу Линцзюня за шею, то тянул за волосы.

Сян Син молча шёл рядом с таким выражением лица, будто хотел что-то сказать, но всё никак не решался.

Впрочем, ладно. Сяо Бай ещё щенком был шептунной, так что и теперь, став побольше, буянит. Ну и что тут странного.

Три фигуры медленно двигались сквозь сплошную завесу дождя.

Капли соскальзывали с тонкой световой дымки вокруг них и разбивались о старые синие плиты мостовой, растекаясь кругами по лужам.

Когда они наконец вернулись в обитель Десяти Сторон, уже давно стояла ночь.

Цзян Тан к этому времени немного вымотался от собственных выходов и дремал у Фу Линцзюня на спине. Когда его положили на кровать, он по привычке тут же потянулся обнять Фу Линцзюня, всем телом прижимаясь к нему.

Горячая щека потёрлась о его ладонь:

— Даосский... спутник...

Одежда на них обоих была перепачкана слезами, соплями и пролитым вином. Фу Линцзюнь потянулся к вороту Цзян Тана, чтобы расстегнуть его, но, дойдя до середины, вдруг остановился и легко похлопал его по щеке:

— Сможешь переодеться сам?

Цзян Тан, цепляясь за него, промурлыкал:

— Не могу...

Но стоило Фу Линцзюню в два счёта снять с него верхнее одеяние и потянуться уже к нижнему, как собачонок тут же смутился и обеими руками вцепился в ворот, не давая раздеть себя дальше.

— С-сам... надену... — Он весь сжался в комочек. Глаза у него блестели влажно и текуче.

У Фу Линцзюня перекатился кадык. Он заставил себя не смотреть ему в глаза, положил чистую одежду к изголовью и вышел за полог, опустив ткань.

Пьяный Цзян Тан долго сидел на кровати, тупо глядя в одну точку, и только потом начал раздеваться. Но весь его мир после вина был лёгким и шатким, а голова тяжёлой-тяжёлой. В какой-то момент он, возясь с одеждой, просто ткнулся лбом в постель и весь запутался в собственных конечностях.

Одна рука оказалась прижата, ткань не тянулась, и он долго-долго никак не мог выбраться, только невнятно гундел изнутри.

Шумел так, что у Фу Линцзюня начала болеть голова.

Наконец из-за полога донёлся слабый голос:

— Не... снимается...

Полдня промучился и в итоге не сделал ничего. Не лучше ли было сразу позволить Фу Линцзюню помочь.

Фу Линцзюнь отдернул полог. Маленький пьяница умудрился выкрутиться на кровати так, словно превратился в узел. Он потянулся поднять его, а Цзян Тан тут же облепил его целиком, точно осьминожка.

Ему было ужасно жарко, будто внутри кто-то развёл пожар. Пламя уже расползлось по всему телу, сжигая его изнутри.

И только рядом с этим прохладным, как свежеупавший снег, ароматом ему становилось хоть немного легче.

Полуготовый к жарке маленький осьминог уткнулся головой Фу Линцзюню в плечо, руками обвил шею и тяжело-тяжело дышал.

Горячее дыхание с винным запахом касалось белой мочки уха, окрашивая эту холодную белизну ярким румянцем.

— Не балуй, — тело Фу Линцзюня напряглось, голос охрип.

— Угу... — послушно отозвался Цзян Тан, но его хитрые ручки тут же начали шастать туда-сюда, трогая всё подряд. Потом скользнули ниже, обрисовывая крепкую узкую талию Фу Линцзюня, и на лице маленького развратника расплылась счастливейшая улыбка.

— Какая... тонкая, — мало того что сказал, так ещё и начал показывать пальцами.

Тут его руки и перехватили.

Раз руками пользоваться запретили, у Цзян Тана осталось только одно оружие: рот. Сквозь одежду он принялся беспорядочно кусать Фу Линцзюня, начиная с плеча.

— Не кусай, — в голосе Фу Линцзюня прозвучала опасная нотка.

Но Цзян Тан уже не различал таких оттенков. В голове у него была каша, и он, как когда-то тот белый пушистый комочек, кусал совершенно без всякой системы.

— Буду... кусать, — промычал он невнятно. Зубы у него были совсем не острые, так что всё, чего он добился, это смял ткань на одежде Фу Линцзюня.

А вскоре ему заодно и голову удержали.

Фу Линцзюнь обхватил его ладонью за затылок. В глазах его плескалась тёмная, поднимающаяся волна:

— Тогда и я укушу в ответ.

Примечание автора:

Я чуть было не назвала эту главу «Собака кусает собаку 2».

<http://bllate.org/book/17032/1653735>